
СЕДАЯ ОЛОВЯННАЯ
ПЕЧАЛЬ

Стоит вообразить, что дела в полном порядке и можно высоко держать голову, — бац! — старина Рок налетит на тебя с разбегу и даже не подумает извиниться. С Гарретами такое случается на каждом шагу.

Я и есть Гаррет. Полюбуйтесь: чуть больше тридцати, чуть выше шести футов, чуть тяжелее девяноста и, боюсь, скоро поправлюсь еще — я не прочь побаловаться пивком. Волосы каштановые. Чего только обо мне не говорят: я и циничный, и угрюмый, и надутый — бука, одним словом. Коварен как змей, утверждают недоброжелатели. Но, черт возьми, сердце-то у меня доброе, ей-богу доброе, я просто неуклюжий старый мишка с неотразимой улыбкой и нежной душой.

Не верьте слухам. Я, конечно, реалист, но порой во мне вспыхивает романтический огонек. Раньше пламя было куда ярче, но мне пришлось пять лет прослужить в Королевской морской пехоте. Я мог бы сохраниться гораздо лучше.

Морли называет меня лентяем. Грязная клевета, не стоит слушать этого непоседу, чья мораль напоминает флюгер под ветром. Я не лентяй, но работаю, только когда деньги нужны позарез. Я — частный агент, сыщик. А значит, мне немало времени приходится проводить среди многопочтенных личностей, которых вы не пригласили бы к обеду. Похитителей детей, шантажистов, разбойников, воров и убийц.

Ну да, они тоже когда-то были невинными младенцами.

В моей жизни нет ничего великого и героического, в исторических хрониках мне не отведут ни строчки. Зато я сам себе хозяин, сам распределяю время и решаю, за какие дела братья, за какие — нет. Мне не нужно изворачиваться, заискивать, совесть моя чиста.

Так вот, без крайней необходимости я стараюсь не работать, поэтому всегда смотрю в глазок, прежде чем открыть дверь. Если посетитель похож на клиента, я просто не отвечаю на стук.

Был славный денек, а ведь год только начался. Но небесное начальство отлынивало от работы, зимой и не пахло, снег таял, и на шестой день этой неправдоподобной оттепели на деревьях начали распускаться почки. Боюсь, они поторопились.

Я ни разу с начала оттепели не выходил из дому, сидел за столом и составлял счета по двум незначительным расследованиям. Я уже подумывал, не пойти ли прогуляться, пока совсем не рехнулся от духоты, как кто-то постучал в дверь.

У Дина был выходной, пришлось самому тащиться к двери. Я подошел, посмотрел в глазок — и обомлел. Да что там, братцы, я просто остолбенел!

Вестницы всяких серьезных передраг обычно носят юбки и выглядят как вам и не снилось. Скажу проще, для непонятливых — у меня слабость к хорошеньким девушкам, аппетитным, как персик. Но я потихоньку умнею. Дайте мне годков тысячу и...

Но это был вовсе не персик. Это был человек, которого я знал много лет назад и никак не ожидал встретить снова. Да мне и не хотелось с ним встречаться. Но не похоже было, что у него крупные неприятности. Так, небольшое дельце. И я отпер. Первая ошибка.

— Сержант! Какими судьбами?! — И я протянул руку. В пору нашего знакомства я бы на это не отважился.

Он был лет на двадцать старше, такого же роста, килограммов на десять легче. Морщинистое лицо цвета дубленой кожи, большие оттопыренные уши, маленькие черные глазки. В темных волосах появилась седина, раньше ее не было. Такие безобразные физиономии попадают, слава богу, не часто. А здоров мужик, из той породы людей, с которыми до гробовой доски ничего не делается, проживи они хоть миллион лет. Он стоял в дверях несокрушимый и прямой, точно аршин проглотил.

— Рад тебя видеть, — искренне сказал он.

Мы пожали друг другу руки. Блестящие глазки-бусинки сверлили меня. У него всегда был пронизывающий взгляд.

— А ты поправился.

— В ширину больше, сверху меньше. — Я пригладил волосы. Плешь пока никто, кроме меня, не замечал. — Заходите. Что вы делаете в Танфере?

— Я вышел в отставку, больше не служу. Много слышал о тебе любопытного, был тут по соседству и решил заглянуть. Но конечно, если ты занят...

— Не занят. Пиво? Проходите на кухню. — Я повел его во владения Дина: в отсутствие старика некому было защитить их. — Вы давно ушли из армии?

— Года три назад.

— Да ну? Я думал, вы так и помрете в форме — лет эдак ста пятидесяти.

Его звали Чен Питерс, а ребята из роты прозвали Черным Питом. Он был нашим командиром, единственным посредником между нами и Богом — или дьяволом? — другого мы не знали. Профессиональный солдат, нестигаемый вояка. Я не представлял его штатским. Три года? Он все равно походил на переодетого сержанта морской пехоты.

— Все меняется. Я стал чересчур много думать, вместо того чтобы просто выполнять приказы. Пиво неплохое.

Пиво просто превосходное. Вейдер, владелец пивоваренного завода, прислал мне бочонок из своих запасов — в доказательство, что ценит мои прежние услуги, и чтобы напомнить о нашем договоре. Я давненько не появлялся у него, и Вейдер беспокоился, что рабочие снова начнут поворовывать.

— Чем занимаетесь теперь?

Я чувствовал себя немного неловко. Мой отец погиб в Кантарде, когда мне было четыре года, поэтому собственного опыта я не имел, но ребята рассказывали, что в первый раз разговаривать с отцом на равных, как мужчина с женщиной, совсем не легко. Мы с Черным Питом не были приятелями. Он был командиром. Пусть бывшим, но смотреть на него иначе у меня не получалось.

— Я служил в штабе генерала Стэнтнора. Он вышел в отставку и предложил мне последовать за ним. Я согласился.

Гм. В мое время Стэнтнор был полковником. Он командовал всей морской пехотой в Фулл-Харборе, примерно двумя тысячами человек. Встретиться мне с ним не привелось, но слышать доводилось немало, в основном отнюдь не лестные вещи. Ко времени моей демобилизации он стал главнокомандующим военно-морских сил Каренты и отбыл в Лейфмолд, где размещалось командование флота и морской пехоты.

— Работа почти такая же, а денег больше, — продолжал Питерс. — А у тебя, похоже, дела идут неплохо. Сам себе хозяин, я слышал.

И вот тут в душу мою закралось подозрение. Сначала оно было несерьезным, так, маленький червячок. Он, видно, расспрашивал обо мне, прежде чем явиться сюда, а значит, вовсе не случайно забрел поболтать о прежних временах.

— Голодать не приходится, — согласился я. — Но уверенности в завтрашнем дне нет: пока котелок варит, но... С ногами уже проблемы.

— Тренировался бы побольше. Совсем не следишь за собой, сразу видно.

Я фыркнул. Еще один Морли Дотс выискался!

— Ну-ну, полегче, нечего мне талдычить о здоровой пище и прочей дряни. Я не корова, чтоб травку жевать, и у меня уже есть один добренький крестный, он мне плешь проел этой чепухой.

На физиономии Черного Пита выразилось замешательство.

— Извиняюсь. Шутка. Выходит, теперь у вас работы немного?

Я почти ничего не слышал о Стэнтноре после его отставки. Знал только, что он уехал домой в Танфер и поселился в семейном имении к югу от города. Он жил отшельником, ни бизнеса, ни политики — обычных занятий уцелевших в боях офицеров бесконечных кантардских войн.

— У нас не было выбора. — По лицу Питерса пробежала тень беспокойства. — Генерал планировал заняться строительными подрядами, но заболел, может, подцепил что-нибудь на островах. Это изматывает его. Он почти не встает с постели.

Жаль. Стэнтнор все же был молодцом, он не отсиживался в штабе в Фулл-Харборе, передвигая солдат, как фигурки по шахматной доске. Во время больших морских боев он был с нами, в гуще сражения.

Жаль его. Я так и сказал Питерсу.

— Не просто жаль, Гаррет. Дело куда серьезней. Мне кажется, он умирает. Ему становится все хуже. И думаю, кто-то помогает ему умереть.

Подозрение превратилось в уверенность.

— Вы не случайно оказались по соседству.

Он не стал вилять:

— Нет. Я хочу, чтобы ты заплатил по счету.

Пояснений не требовалось.

Однажды мы были застигнуты врасплох на одном из островов. Враги напали неожиданно и перебили почти всех. Мы, кому удалось спастись, бежали на болота и отсиживались там, питаюсь жи-

вотными, которые не успевали съесть нас первыми. Сержант Питерс вывел нас, и поэтому я его должник.

Но это еще не все. Во время набега я был ранен, и он вынес меня на себе. Он не обязан был это делать. Он мог оставить меня лежать и ждать неминуемой смерти.

— Старик много значит для меня, Гаррет, — заговорил Питерс. — Другой семьи у меня нет. Кто-то медленно убивает его, но я ума не приложу кто и как. Не могу помешать им. Никогда я не чувствовал себя таким беспомощным и поэтому пришел к тебе, человеку, о котором говорят, будто он умеет решать неразрешимые задачи.

Мне не нужен клиент. Но Гаррет отдает долги.

Я сделал большой глоток, глубоко вздохнул, ругнулся про себя.

— Выкладывайте.

Питерс покачал головой:

— Не хочу сбивать тебя с толку. Я отнюдь не уверен, что мои соображения имеют под собой почву.

— Черт возьми, сержант...

— Гаррет! — Голос у Питерса по-прежнему был властный, можно было и не повышать тон.

— Слушаю.

— У генерала есть и другие неприятности. Я убедил его нанять специалиста, который может разобраться с ними. Я расхваливал тебя, рассказывал, какая у тебя репутация, и поделился воспоминаниями о нашей совместной службе. Он увидится с тобой завтра утром. Если ты не забываешь вытирать ноги у дверей и умеешь пользоваться носовым платком, генерал тебя наймет. Делай, что он велит, но при этом помни об истинной цели. Понятно?

Я кивнул. Замысловато, конечно, но клиенты часто ведут себя так, словно нарочно хотят все запутать.

— Для всех ты — наемный работник. Чем занимаешься — неизвестно. Прошлое тоже практически неизвестно. Возьми другое имя: твое не подходит, чересчур громкое, а дурная слава быстро бежит, может подняться переполох.

Я вздохнул:

— Похоже, мне придется проводить там много времени.

— Все время, пока не кончишь работу. Мне уже сейчас надо знать, каким именем ты намерен воспользоваться, иначе тебя не пропустят.

— Майк Секстон.

Я ляпнул, не подумав, но, наверное, то было внушение свыше. Однако я рисковал. Майк Секстон командовал в нашей роте отрядом разведчиков. Он не вернулся с острова. Питерс услал Майка перед началом ночной битвы, и мы никогда больше его не видели. Майк был правой рукой и единственным другом Черного Пита.

Лицо сержанта окаменело. Он прищурился, открыл было рот... нет, грозный Пит всегда сначала думал, потом говорил.

— Сойдет, — буркнул он. — Они слышали от меня о Майке. Это объяснит, откуда мы знаем друг друга. Я вроде бы никому не говорил о его смерти.

Вряд ли он сделал бы это. Он не любил признаваться в своих ошибках — даже себе самому. Пари держу, в глубине души Питерс не переставал ждать, что Секстон вернется и явится с докладом.

— Я это и имел в виду.

Он допил пиво.

— Так я могу рассчитывать на тебя?

— Вы знали, что можете, еще до того, как постучали в дверь. У меня нет выбора.

Питерс улыбнулся. На его угрюмой физиономии улыбка выглядела как-то неуместно.

— Стопроцентной уверенности у меня не было. Ты всегда был упрямый сукин сын.

Он достал потрепанный холщовый кошелек — тот же, что и раньше, но теперь он стал потолще, и отсчитал пятьдесят монет. Серебряных монет. Ничего себе! После того как Слави Дуралейник объявил Кантард независимой республикой, не подчиняющейся ни Венагете, ни Каренте, вообще никому, цены на серебро подскочили.

Без серебра невозможно колдовать. И Карента, и Венагета раздираемы на части интригами колдунов. Самый богатый серебряный рудник находится в Кантарде, поэтому приходившие к власти шайки сражались за эту территорию еще с тех пор, как мой дедушка был желторотым птенцом, пока жадный Слави не сыграл свою шутку. Но долго ему не продержаться. Он нагадил всем и теперь со всех сторон окружен врагами.

Я открыл было рот, чтобы отказаться от денег: ведь Питерс — мой кредитор. Но потом понял, что должен взять их. Питерс призвал меня выполнить свое обязательство, но не рассчитывал, что я буду работать бесплатно. Может быть, заплатив по счету, он за что-то рассчитается с генералом.

— Восемь в день и расходы, — сказал я. — Для друзей скидка. Если останется — верну, если понадобится больше — представлю счет.

Пятьдесят монет я для сохранности спрятал в комнате Покойника. Он у меня тяжеленький, больше ста пятидесяти килограммов, и — самое в нем лучшее — все время дрыхнет, уже давным-давно не просыпался, даже скучно стало. Поймав себя на таких мыслях, я понял — в самом деле пора приниматься за работу. Скучать по Покойнику — все равно что скучать по инквизитору.

Я вернулся в кухню. Питерс собирался уходить.

— Итак, завтра утром? — уточнил он.

В голосе сержанта мне послышались нотки отчаяния:

— Приду, не сомневайтесь.

Водиннадцать часов утра небо было отвратительного свинцового цвета, но я все же решил тронуться в путь на своих двоих, хотя от Южных ворот до лачуги генерала добрых шесть миль. Ничего не поделаешь, я на лошади — картина невероятная.

Мне пришлось раскаяться в своей опрометчивости: я слишком долго не отрывал задницу от стула, и ноги быстро устали. К тому же начался дождь, капли величиной с монетки застучали по дороге. Я раскисал все сильнее. Теперь уж точно придется столкнуться со стариком, а то на обратном пути промокну вконец.

Я перекинул сумку на другое плечо и попытался идти быстрее. Напрасный труд.

Дома перед выходом я помылся, побрился и причесался — словом, постарался привести себя в надлежащий вид для встречи с богатыми и теперь надеялся, что они оценят мои старания и не прогонят от дверей, не спросив имени. Надеялся я также, что Черный Пит не подкачал и заранее сообщил мой псевдоним привратнику.

Назвать домишко Стэнтноров лачугой — не совсем точно. На него угрохали, полагаю, на миллион кирпича, камня и отборного леса. На такой территории спокойно можно захоронить целый батальон. Я не захватил с собой карты, но заблудиться было мудрено. Генерал точно специально для меня велел провести к дому мощную дорогу.

Лачужка ничего себе. Каменная, с деревянной отделкой, в пять этажей, по бокам четырехэтажные флигели. Я поднял с земли камень и попытался добросить до другого угла — недолет, а бросок был недурен.

За шиворот мне потекла вода. Я прыжком преодолел двенадцать мраморных ступенек и остановился на минутку перед дверью, чтобы привести себя в порядок и не выглядеть чересчур взьеро-

шенным. Когда имеешь дело с богачами, главное — не робеть, держать хвост пистолетом.

Дверь — такими воротами мог бы гордиться и замок — бесшумно приоткрылась, выглянул какой-то человек. Я с трудом удержался от вопроса, сколько масла пошло на смазку этих чудовищных дверных петель.

— Да?

— Я Майк Секстон. Меня ждут.

— Да.

Человек поморщился, выражение лица у него было довольно кислое. Интересно, где он посреди зимы ухитрился раздобыть лимон?

Вряд ли я произвел на него благоприятное впечатление, однако он впустил меня в холл. Вот это да! Здесь свободно поместилась бы парочка мамонтов, если бы хозяину стало жаль оставлять их мокнуть под дождем.

— Пойду доложу генералу, — сказал он и ушел, точно ему кол в спину вогнали, маршируя под слышный лишь ему одному барабанный бой. Сразу видно, тоже бывший морской пехотинец.

Он исчез, а я принялся развлекаться, шатаюсь по холлу и знакомясь с предками Стэнтнора, целая дюжина коих сердито пялилась на меня с портретов на стенах. Судя по всему, от художников требовалось одно — поймать на лицах моделей выражение нестерпимого страдания. Все эти стариканы определенно мучились от заборов.

Я насчитал трех бородатых, трех усатых и шесть гладковыбритых, но кровь Стэнтноров — крепкая штука. Они выглядели как братья, а не как представители разных поколений семьи, существовавшей со времен основания государства Карента. Датировать портреты можно было только по форме изображенных на них Стэнтноров.

Все они были в форме или доспехах. Все Стэнтноры — солдаты, моряки, морские пехотинцы. Судьба их predeterminedена от рождения. Хочешь не хочешь — не важно, Стэнтнор обязан служить в армии. Может, этим объясняется семейное (поголовное и хроническое) расстройство пищеварения.

Последним в левом ряду висел портрет самого генерала, написанный в бытность его главнокомандующим армией Каренты. Длиннющие седые усы свирепо топорщились, а глаза смотрели мимо тебя, как будто он стоял на корме военного корабля, пытаясь различить что-то на горизонте. В этой галерее только портрет гене-

рала не следил за тобой неотступно, куда бы ты ни пошел. Сердито сверкающие глаза старых служак смущали меня. Наверное, это задумано не случайно — запугивать выскочек вроде вашего покорного слуги. Напротив висел, единственный среди стариков, портрет молодого человека — сына генерала, лейтенанта Королевской морской пехоты. Он не успел выработать в себе стэнтноровскую семейную мрачность. Мне не удалось припомнить имя юноши, но я знал, что молодой Стэнтнор погиб на островах, я тогда еще не демобилизовался. Других сыновей у старика не было, не было больше и портретов на обшитой темными панелями стене.

Холл кончался стеной из дымчатого небьющегося стекла, украшенной мозаиками на весьма кроваво-жидкие сюжеты из мифов и легенд. Герои убивали драконов, расправлялись с великанами и походя, от нечего делать, попирали ногами горы маленьких трупиков эльфов и гномов. Все это относилось к тем давним временам, когда люди не больно церемонились со своими меньшими братьями.

Дверь в стене была нормального размера и покрыта мозаикой в том же роде. Дворецкий, или как он там назывался, оставил дверь приоткрытой. Я воспользовался ненавязчивым приглашением.

Холл по ту сторону перегородки походил на собор.

Не меньше парадного, в четыре этажа высотой, весь из коричневого со светлыми прожилками камня. На стенах боевые трофеи Стэнтноров. Оружия и знамен хватило бы на целый полк. Пол в шахматную клетку из белого мрамора и зеленого змеевика. Посредине — фонтан: герой на поднявшемся на дыбы жеребце вонзал копьё в сердце свирепого дракона, подозрительно похожего на большого летающего громового ящера. Рискованная позиция — еще секунда, и он свалится прямо в когти чудовища. Вид у обоих был невеселый. Я не мог порицать их за это: помирать никому не охота. Скульптор, несомненно, выразил нечто важное для себя, но до меня, увы, не дошло ничего. «Ребята, вы оба хотите заполучить девицу, — обратился я к противникам, — так заключили бы любовное соглашение».

Стуча каблуками, я направился к фонтану. Эхо сопровождало меня.

Я огляделся кругом. Коридоры вели в западное и восточное крыло здания. По лестнице можно было подняться наверх, на балконы. На каждом этаже — балкон, на каждом балконе — множество темных, полированных колонн и эхо, эхо. Не дом, а дворец. Музей какой-то. Любопытно, кому могла прийти в голову дикая мысль соорудить такой домище и поселиться в нем?

Холодрыга, почти как на улице. Я вздрогнул, подошел поближе к фонтану. Он не работал. Жаль, журчание воды скрасило бы обстановку. Они, наверное, врубают его только в дни приемов. Я всегда лелеял в глубине души мечту разбогатеть. Думаю, большинство из нас подвержены этой слабости. Но если так живут богатые, я лучше останусь при своих.

По роду занятий мне приходилось бывать во многих богатых домах, все они какие-то неуютные. Брр. Самый красивый, что я видел, принадлежал Чодо Контагью, королю преступного мира Танфера. Он настоящее чудовище, но в его дворце есть хоть намек на нечто человеческое. Архитектор Чодо не скрывал своих пристрастий. В тот раз, когда мне случилось посетить Контагью, дворец был битком набит голыми красотками. Это, я понимаю, обстановка! Куда веселее уймы дурацких военных побрякушек.

Я скинул сумку и небрежно облокотился на ограду фонтана:

— Давайте, ребята, не стесняйтесь, постараюсь вам не мешать. Ноль внимания. Герою с драконом было не до меня.

Я огляделся. Где, черт возьми, люди? Для такого громадного помещения нужна целая армия слуг. А то будто среди ночи в музей забрел. Будто... Стоп! Не так уж все плохо.

Я заметил прелестное личико. Оно выглядывало из-за колонны на балконе слева от меня, в западном крыле. Женщина, и красивая. Она была слишком далеко, чтобы сказать еще что-нибудь, но хватило с избытком — кровь моя вновь заструилась по жилам. Красотка оказалась робкой, точно дриада. Глаза наши встретились, мгновение — и она исчезла.

Я уже говорил: женщины — моя слабость. Удастся ли разглядеть ее? Хочется надеяться. Какое личико! Но очаровательница упорхнула. Мимолетное видение. Ах, если бы она вернулась! На нее стоило посмотреть второй, а может, и третий, и четвертый раз. Длинноволосая стройная блондинка, в чем-то белом, прозрачном, перехваченном в талии красным пояском. Около двадцати, плюс-минус. Довольно аппетитна. Я плотоядно ухмыльнулся.

Если только она не привидение. Она проскользнула мимо абсолютно неслышно. Как бы то ни было, не успокоюсь, пока не познакомлюсь с ней поближе.

Вполне возможно, это место действительно посещают духи. Здесь так холодно, так... Нет, дело во мне самом. Наверное, никого другого оно не обеспокоило бы. Я смотрел кругом и слышал звон оружия, слышал стоны убитых на полях сражений, откуда Стэнтноры навезли все эти эмблемы своей славы. Я дал волю воображе-

нию и видел лишь собственное отражение, отражение своего настроения.

Попробуем лучше стряхнуть мрачные мысли. Просто эта халупа не располагает к веселью.

Итак, девушка исчезла, а в холле, стуча каблуками, снова появился давешний привратник и по-военному четко остановился шагах в шести от меня. Я бегло оглядел его. Рост под шесть футов, вес около восьмидесяти килограммов, лет пятидесяти, но выглядит моложе. Волосы черные, волнистые, густые, как у двадцатилетнего, и чем-то смазаны, чтобы пряди не выбивались из прически. Если и была седина, он хорошо умел прятать ее. Глаза как льдинки, но о такой лед можно обжечься. Субъект из тех, кто убьет и даже не задумается о ваших детках-сиротах.

— Генерал ждет вас, сэр, — известил он, повернулся и пошел.

Я последовал за ним. Сначала я пытался идти нормально, но скоро сдался и замаршировал по-солдатски. Тело вспомнило давнюю муштру и отказалось повиноваться доводам разума.

— У тебя имя есть? — осведомился я.

— Деллвуд, сэр.

— Где служил, пока не вышел в отставку?

— Я принадлежал к штабу генерала, сэр.

Это абсолютно ни о чем не говорило.

— Профи?

Идиотский вопрос, Гаррет. Готов заложить семейную ферму, ты здесь единственный непрофессиональный солдат, кроме девушки, возможно. Генерал не потерпел бы в своем окружении недоносков, в просторечии именуемых штатскими.

— Тридцать два года в армии, сэр.

Сам он не задал ни одного вопроса. Молчалив, не любит трепаться? Нет. Я его не интересовал: я был одним из «них».

— Может, мне следовало войти с черного хода?

Он что-то проворчал.

Черт возьми. Я уважал генерала, но за то, кем он стал, а не за то, кем родился.

Деллвуд был двадцатью годами старше, но запыхался к четвертому этажу именно я. Не меньше шести остроумных замечаний родилось в моей голове, но поделиться ими не хватило дыхания. Деллвуд мельком глянул на меня, видимо с трудом скрывая презрение к слабакам штатским. Я отдышался немного и сразу взял быка за рога:

— Пока ждал, я видел женщину. Она наблюдала за мной. Робкая, как мышка.

— Это, надо полагать, мисс Дженнифер, сэр. Дочь генерала.

Казалось, он сомневается, не совершил ли ошибку, добровольно выдав так много. Из тех, кто не расколется, хоть пятки ему поджаривай. Интересно, в свите генерала все изготовлены по такому образцу? Зачем я тогда понадобился Питерсу? Справились бы сами.

Мы добрались до верхнего этажа западного крыла. Деллвуд открыл дубовую дверь, занимавшую половину стены, и доложил:

— Майк Секстон, сэр.

Волна жара обдала меня, едва я вошел в комнату вслед за Деллвудом.

Не знаю, чего я ожидал, но обстановка кабинета удивила меня, показалась чрезмерно спартанской. Кроме размеров комнаты, ничто не указывало на богатство генерала Стэнтнора.

Ни одного ковра, только несколько стульев с прямыми спинками, неизбежный металлический скарб, два письменных стола, поставленные нос к носу. Один, побольше, видимо, генеральский, а второй для посетителей, если они захотят что-либо написать. Почти мавзолей. Жар шел от огня, пылавшего в камине. Огонька хватило бы зажарить быка. Рядом лежала гора поленьев, и еще один отставной солдат с негнущейся спиной подбрасывал их в огонь. Он взглянул на меня и посмотрел на старика за большим столом. Тот кивнул, и истопник вышел. Наверное, они с Деллвудом на досуге совершенствуются в строевой подготовке и прочих боевых искусствах.

Осмотрев кабинет, я принялся за его хозяина.

Подозрения Черного Пита были небезосновательны. От генерала Стэнтнора осталось не много. Он мало чем отличался от людей внизу, на портретах. Генерал почти целиком был закутан в ватное одеяло, но, похоже, весил он не больше мумии. Десять лет назад он был с меня ростом и килограммов на пятнадцать тяжелее.

Кожа генерала, желтоватого оттенка, казалась полупрозрачной. Зрачки мутные от катаракты, губы ядовитого сине-серого цвета. Волосы выпадали прядями, осталось всего несколько клочков, не просто седых, а синеватого оттенка смерти. Жизнь угасала в нем.

Я не знал, как далеко зашла катаракта, но взгляд старика был тяжелым и строгим. При моем появлении он не шелохнулся.

— Майк Секстон, сэр. Сержант Питерс попросил меня зайти к вам.

— Берите стул. Поставьте его здесь, передо мной. Я не люблю смотреть на собеседника снизу вверх. — В голосе генерала мне слышалась скрытая сила, хотя не представляю, откуда он брал ее. Я воображал, что он будет говорить замогильным шепотом. Я сел напротив. Он продолжал: — Я уверен, что сейчас нас не подслушивают, мистер Гаррет. Да, я знаю, кто вы. Питерс все мне подробно рассказал, только тогда я решился принять вас. — Он продолжал таращить глаза, как будто одним лишь усилием воли мог преодолеть катаракту. — Но в дальнейшем мы будем придерживаться версии «Майк Секстон». Теперь обговорим условия.

Я сидел близко от него и чувствовал запах. Запах был не из приятных. Странно, что вся комната не провоняла. Наверное, обычно старик находился в другом помещении.

— Питерс не сказал, что вам нужно, сэр. Он просто потребовал вернуть старый долг — вот я и появился.

Я бросил взгляд на камин. Еще чуть-чуть — и здесь можно печь хлеб.

— Мне необходимо тепло, много тепла, мистер Гаррет. Прошу прощения за неудобства. Я постараюсь не задерживать вас долго. Я стал похож на ящерицу: кровь у меня холодная, совсем не греет.

Я покорно ждал продолжения и обильно потел.

— Питерс сказал, вы были хорошим морским пехотинцем. — Такая рекомендация много значила здесь. — Он ручается за вас — каким вы были тогда. Но люди меняются. Каким вы стали?

— Я был разбойником в подчинении у других разбойников, а стал свободным художником. Что вам и требуется, генерал, иначе бы вы меня не позвали.

Он издал звук, которому надлежало изображать смех.

— А я слышал, у вас острый язык, Гаррет. Но нетерпеливым приходится быть мне, не вам. Мне осталось так мало. Да. Питерс ручается за вас и сегодня. В определенных кругах о вас сложилась репутация человека надежного, но своенравного. Говорят, вы не лишены чувствительности. Это у нас никого не волнует. Говорят, вы имеете слабость к женскому полу. Полагаю, вы обратите на мою дочь больше внимания, чем она заслуживает. Говорят, вы склонны беспощадно осуждать пороки и грешки моего класса.

Может, он в курсе и как часто я меняю белье? Зачем понадобился еще один сыщик? Он мог смело поручить все тому, кто составлял досье на меня.

Опять этот жалкий смех.

— Представляю, о чем вы думаете. Но мои сведения — лишь общеизвестные факты. Слава бежит впереди вас. — Гримаса, в лучшие времена означавшая улыбку. — За годы работы вы добились прекрасных результатов. Но для этого вам пришлось стоптать не одну пару башмаков.

— Я простой парень, генерал. Стараюсь, как могу.

— Не думаю, что такой уж простой. Вы совсем не боитесь меня.

— Не боюсь.

Я не боялся его. Я встречал слишком много действительно страшных людей. Душа моя загрубела, закалилась в боях.

— Десять лет назад, наверное, боялись.

— Другие обстоятельства.

— В самом деле. Хорошо. Мне нужен человек, который не будет бояться. Особенно меня: опасаясь, что, выполнив поручение, вы скроете от меня правду, которую мне больно было бы услышать. Правду столь жестокую, что мне захочется прогнать вас взащей. Вы не скроете ее?

Он сбил меня с толку.

— Я совсем запутался.

— Обычное состояние живого человека. Я имею в виду: когда я найму вас — если найму и если вы согласны взяться за эту работу, — вы обязаны довести ее до конца. Не обращая внимания на то, что я стану говорить впоследствии. Я прослежу, чтоб вам заплатили сполна вперед, — и избавлю от искушения стараться ради денег.

— Я все же никак не пойму, в чем дело.

— Я горжусь тем, что способен посмотреть правде в лицо. Я хочу покончить с этим. У меня нет выбора, как бы ни было больно и неприятно. Понимаете?

— Да.

Я понял: он готов посмотреть правде в лицо. Но какой правде? Мы оба потратили массу времени, туманя друг другу мозги. Люди его класса на этом собаку съели, но генерал всегда имел репутацию человека, твердо стоявшего обеими ногами на земле. Не однажды он поступал по-своему, нарушал приказы, потому что они исходили из умозрительных представлений штабных крыс, державшихся по меньшей мере в двухстах милях от поля сражения. И каждый раз исход дела доказывал правоту Стэнтнора. Но у него было мало друзей.

— Прежде чем взять на себя какие-либо обязательства, я должен знать, чего вы хотите.

— В моем доме — вор, мистер Гаррет.

Генерал загнулся: спазма жала его горло. Я подумал, что у него сердечный приступ, и бросился к двери.

— Подождите, — прокаркал он. — Это пройдет.

Я остановился на полпути между стулом и дверью, но через минуту спазма прошла. Я снова уселся.

— Вор в моем доме. Хотя здесь нет никого, кого бы я не знал тридцать лет, кому много раз не доверял свою жизнь.

Забавная ситуация: жизнь доверить можешь, а кошелек — нет.

Я начал понимать, зачем ему понадобился человек со стороны. Паршивая овца среди старых товарищей. Они прячут голову под крыло, отказываются видеть правду, или... Кто знает? Морские пехотинцы устроены не так, как все.

— Я слушаю. Продолжайте.

— Недуг свалил меня вскоре после возвращения домой. Вероятно, это чахотка. Болезнь развивается медленно. Я редко теперь выхожу из своих комнат. Но я заметил, что в течение прошедшего года кое-какие вещи, столетиями принадлежавшие нашей семье, постепенно пропадали. Никогда не исчезали крупные вещи, только блестящие безделушки, бросающиеся в глаза. Просто сувениры, ценные в основном как память. Но сумма набирается уже не маленькая.

— Ясно.

Я взглянул на огонь. Пора повернуться, а то с другого бока не прожарюсь как следует.

— Уделите мне еще несколько минут, мистер Гаррет.

— Конечно, сэр. В последнее время в доме были посторонние? Постоянные посетители?

— Не много. Люди с Холма. Не из тех, что промышляют мелкими кражами.

Я не стал говорить, но, по моему мнению, худшие из преступников как раз выходцы с Холма. Наши дворяне способны стащить медяки с глаз мертвеца. Но в одном генерал прав. Они не будут красть своими руками. Они наймут кого-нибудь.

— У вас есть список пропавших вещей?

— А нужно?

— Может пригодиться. Кто-то что-то ворует — он хочет продать это и получить деньги. Верно? Я знаю некоторых торговцев, оптовые поставщики которых — люди с нечистыми руками. Вы что хотите: вернуть украденное или поймать вора?

— Сначала последнее. Потом поговорим о возмещении убытков.

Внезапно, как гром среди ясного неба, его сразил новый приступ. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, понятия не имея, как помочь старику. Скверное чувство.

Приступ прошел, но на этот раз генерал казался совсем ослабевшим.

— Придется кончить побыстрее, Гаррет. Мне надо отдохнуть, а то следующий припадок сведет меня в могилу. — Старик улыбнулся, и я увидел, что зубов у него не хватает. — Еще одна причина рассчитаться сразу. Мои наследники могут не счесть нужным заплатить вам.

Я хотел сказать что-нибудь ободряющее, типа «вы еще меня переживете», но слишком уж цинично обнадеживать человека в подобном состоянии. Иногда мне удается промолчать, правда обычно не к месту.

— С удовольствием познакомился бы поближе, но природа берет свое. Я нанимаю вас, если вы согласны считать меня своим клиентом. Вы найдете вора? На моих условиях?

— Не отступать ни за что?

— Именно.

— Да, сэр. — Мне пришлось сделать над собой усилие. Я ведь и правда ленив. — Я берусь за ваше поручение.

— Хорошо, хорошо. Деллвуд ждет за дверью. Скажите ему, мне нужен Питерс.

— Будет сделано, генерал.

Я поднялся и направился к двери. Даже в нынешнем состоянии старик сохранил частичку того обаяния, магнетизма, какие присущи образцовым командирам. Я не просто жалел его, я действительно хотел найти негодяя, который, по мнению Черного Пита, пытается убить старика.

В коридоре было холодно, как холодной зимой в Арктике. Черт возьми, еще отморозишь что-нибудь.

Генерал не ошибся насчет Деллвуда. Он был на месте, ждал, причем точно как приказал хозяин, на почтительном расстоянии, чтоб ничего из разговора не слышать. Хотя вряд ли через эту дверь можно было расслышать даже взрыв. Деллвуд — парень, в общем, ничего, решил я, хоть спина у него чересчур прямая.

— Генерал просит Питерса.

— Хорошо, сэр. Я, пожалуй, прежде всего выполню его указание. Вы не могли бы вернуться вниз и подождать у фонтана?

— Конечно. Но идите быстрее. Что с ним такое? При мне у него было два сильных приступа.

Деллвуд переменялся в лице, уставился на меня и словно окаменел. Очевидно, он любил этого старика и сейчас был очень встревожен.

— Очень нехорошие приступы, сэр?

— Мне так показалось. Но я не врач. Он сократил нашу встречу: испугался, что еще одного припадка ему не вынести.

— Лучше я сначала проведу его, остальное подождет.

— Что с ним такое? — снова спросил я.

— Не знаю, сэр. Мы пробовали приглашать врачей, но он, едва узнав, кто это, прогонял их. У генерала патологический страх перед медиками. Но из их слов я понял, что от врачей толку чуть. Они ничего не делают, только в затылках скребут.

— А ты ведь умеешь разговаривать, Деллвуд, у тебя неплохо получается. Приятное открытие.

— Генерал принял вас на борт, сэр. Вы теперь один из домочадцев.

Конструктивный подход редко встречается: в основном люди или врут почему зря, или совсем отказываются говорить.

— Хотелось бы потолковать с тобой, когда выдастся свободная минутка.

— Да, сэр.

Он зашел к генералу, а я отправился отыскивать фонтан. Это было нетрудно. После исчезновения Секстона я стал одним из ротных разведчиков и много тренировался. Питерс не уставал твердить, как много средств вложило в меня государство.

Сумку я оставил у фонтана, чтоб зря не таскаться с ней. Я подумал, что в этом царстве мертвых с ней ничего не случится. И ошибся. Подойдя к безумной милитаристской скульптуре, я увидел, что некто уже всюю роетя в моих вещах.

Она стояла ко мне чрезвычайно аппетитным задом. Высокая стройная девушка. Брюнетка в желтовато-коричневом платье-рубашке, стилизованном под крестьянское. Крестьянину не заработать на такое и за пять лет. Незнакомка копалась в сумке, и задок ее соблазнительно колыхался. Похоже, она только начала.

Я подкрался незаметно, как опытный разведчик, остановился шагах в четырех, одобрительно кивнул ее заднице и спросил:

— Нашли что-нибудь интересное?

Она быстро обернулась.

Я вздрогнул. Лицо — копия того, что я видел раньше, но на этот раз робости в нем не было ни капли. Более жесткое, мирское. В том, другом, кроме застенчивости, мне почудилась монашеская отрешенность.

Глаза знакомки сверкнули.

— Кто вы?

Ни тени смущения. Мне нравится, когда кое в чем не раскaiваются, но не в том же, что рылись в моих пожитках.

— Секстон. Кто вы? Зачем залезли в чужую сумку?

— Не тяжело таскать с собой такой арсенал?

— Он нужен мне для работы. Я ответил на два вопроса. Теперь ваша очередь.

Девушка осмотрела меня с головы до ног, приподняла бровь, как бы сомневаясь, довольна ли увиденным. Задела меня за живое! Затем фыркнула и ушла. Я, конечно, не Аполлон, но к подобному обращению не привык. Видимо, это было частью ее плана.

Я смотрел вслед красотке. Двигалась она манерно, сознавала, что за ней наблюдают, и немного кокетничала своей походкой. Она скрылась под балконом в западном крыле особняка.

— Странные существа здесь обитают, — пробормотал я.

Содержание

Седая оловянная печаль. <i>Перевод М. Сапрыкиной</i>	5
Зловещие латунные тени. <i>Перевод Г. Косова</i>	235
Ночи кровавого железа. <i>Перевод Н. Магнат</i>	503